

UNITED WISDOM

Конфуций, Мэн-цзы и Сюнь-цзы: разногласие о человеке

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-23-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Конфуций, Мэн-цзы и Сюнь-цзы: разногласие о человеке

Эпиграф

«Если есть недостатки, не следует бояться исправляться».

Конфуций в «Лунь юе»,1.8, последняя фраза. Наш перевод английской подборки Columbia, Sources of Chinese Tradition,1999; индивидуальный переводчик этой выдержки на странице не установлен.

О чём эта статья

Ребёнок видит, что другому ребёнку больно, и протягивает руку. Через минуту он не хочет делиться любимой игрушкой. В этом условном наблюдении легко найти подтверждение любому убеждению о человеке. Один взрослый увидит природную доброту, другой — эгоизм, который ещё предстоит исправить. Но что именно оба называют природой? Первое движение чувства, устойчивую способность или итог воспитания?

Конфуций, Мэн-цзы и Сюнь-цзы принадлежат одной широкой традиции нравственного образования, но по-разному объясняют его основания. У Конфуция важны учение, человеческие отношения и ритуальная форма. Мэн-цзы защищает мысль о доброй человеческой природе через зачатки нравственных способностей. Сюнь-цзы утверждает, что необученные желания приводят к беспорядку и добро требует сознательной работы. За знакомыми формулами «человек добр» и «человек зол» скрывается спор о том, что считать врождённым, откуда возникает норма и как человек меняется. Мы рассмотрим этот спор, сохраняя исторический контекст, и отдельно проверим его современное значение: для воспитания, правил, надежды на перемену и ответственности перед другими.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Общий вопрос: как человек становится способным жить с другими

Раннюю конфуцианскую мысль полезно читать на фоне политической раздробленности и борьбы за порядок. Её авторы обсуждали человека внутри отношений, обучения и управления. Поэтому вопрос о природе не сводился к оценке настроения: сколько в нас добрых и плохих чувств? Он касался возможности устроить жизнь, в которой люди способны выполнять обязательства и различать достойное действие.

Мы знаем Конфуция через сложную передачу высказываний и рассказов. «Лунь юй», или «Беседы и суждения», не является дневником, собственноручно написанным учителем. Академическое исследование Конфуция предупреждает о разнообразии ранних изображений и трудностях реконструкции единой доктрины.

Это ограничение не делает текст бесполезным. Оно меняет форму чтения: мы можем исследовать приписываемое наставление, его аргумент и последующее влияние, сохраняя осторожность с биографией. Для содержательного разговора важнее понять, что утверждается, чем украсить его уверенной сценой из жизни мудреца.

Мэн-цзы и Сюнь-цзы продолжают и оспаривают эту наследуемую работу. Их нельзя удобно распределить как оптимиста, который любит людей, и пессимиста, который хочет их наказать. Оба считают нравственное изменение возможным и значимым; различаются объяснение исходной способности и способ её развития.

Наш современный пример поможет почувствовать вопрос. Организация хочет, чтобы сотрудники честно сообщали об ошибках. Можно рассчитывать на чувство ответственности, можно создавать процедуру, можно показывать собственный пример. Эти способы не исключают друг друга, но их выбор зависит от того, как мы понимаем человека и условия его действия.

При этом организация не является древним государством, а современный сотрудник — участником традиционной иерархии. Аналогия позволяет исследовать вопрос, не доказывая совпадения общественных порядков. Это различение понадобится на каждом шаге.

II. Конфуций: нравственность обнаруживается в форме отношений

Два важных слова — жэнь, человечность, и ли, ритуальная упорядоченность. Здесь ли не означает только большой государственный обряд. Речь также о формах поведения, через которые уважение, роль и отношение становятся видимыми. В подборке «Лунь юя» Columbia §§1.1, 2.3, 2.7 и 3.4 связывают учение с практикой, управление с нравственным примером, заботу с уважением и траур с действительным чувством.

Из этого возникает содержательный вопрос: достаточно ли выполнить внешнее действие? Человек может обеспечить близкого всем необходимым, оставаясь унизительным в разговоре. Может соблюсти форму извинения, не признать последствий и немедленно повторить поступок. Форма нужна, но ещё не исчерпывает отношение.

И обратная ситуация: человек уверен, что любит, поэтому считает необязательным проявлять внимание. Внутреннее убеждение остаётся недоступным другим; они встречаются с опозданием, отсутствием ответа и нарушенным обещанием. Здесь форма не является пустой оболочкой. Она помогает чувству стать человечески различимым действием.

Такое чтение не делает Конфуция современным сторонником полностью равноправных отношений. Историческая система включала иерархии, семейные обязанности и политические роли. Можно исследовать пользу мысли о форме, не объявляя весь старый порядок обязательным для нынешней жизни.

Важен и нравственный пример. В условной семье взрослый требует от ребёнка уважительной речи, сам постоянно унижая других. Правило произнесено, но действующий образец сообщает иное. Современный вывод не нуждается в мифе о безупречных взрослых: влияние примера делает особенно важной способность признать собственную ошибку.

Поэтому конфуцианский вопрос можно услышать как вопрос о согласованности. Какие формы поддерживают достойное отношение? Что мы фактически передаём своим поведением? Где учение осталось только речью? Ответ обращает внимание на совместную жизнь, а не только на внутреннее мнение человека о собственной доброте.

Вторая глава «Лунь юя» даёт ещё одно различие: управление наказаниями сопоставляется с нравственным примером и ритуальной формой. В первом случае человек может только избегать наказания; во втором возникает вопрос о чувстве стыда и внутреннем изменении. Прочитанный фрагмент «Лунь юя», 2.3, позволяет увидеть, что обсуждается не просто набор хороших манер.

Разберём философское содержание этого различия. Внешняя санкция отвечает на вопрос, что произойдёт после нарушения. Нравственное образование должно изменить то, как сам поступок воспринимается действующим человеком. Если он перестаёт обманывать только при наблюдателе, изменились условия выгоды. Если обман становится для него недостойным способом отношений, изменилось основание выбора.

Но такой переход не делает право и санкцию ненужными. Человек может не разделять нравственный идеал или пользоваться отсутствием защиты. Поэтому современный вывод «хороший пример заменит правила» был бы слишком быстрым. В прочитанном месте интересен вопрос о качестве порядка: чем люди руководствуются, когда непосредственный контроль ослабевает?

Ритуальная форма в этом отношении не равна тайному надзору. Она делает отношение узнаваемым и задаёт способ участия. При этом сам порядок требует оценки: если стыд прививают за возражение несправедливости, возникает послушание, которое ещё не стало добродетелью. Чтобы не использовать Конфуция как знак одобрения любого воспитания, нужно различать внутреннее усвоение достойного отношения и внутреннее усвоение страха перед отвержением.

III. Мэн-цзы: начало добродетели ещё нуждается в выращивании

В знаменитом месте 2A6 Мэн-цзы предлагает пример ребёнка, которому грозит падение в колодец. Первичная тревога и сострадание объясняются через непосредственный отклик, а не расчёт выгоды или репутации. Институциональная выдержка из «Мэн-цзы» сохраняет этот аргумент о человеческой способности откликнуться на чужое страдание.

Здесь важно слово «начало». Четыре начала соотносятся с человечностью, справедливостью, ритуальной пристойностью и мудростью. Наличие зачатка не означает устойчивой зрелой добродетели. Академический обзор Мэн-цзы подчёркивает необходимость расширять и развивать такие склонности.

Современному читателю легко сделать лишний шаг: раз человеку свойственно сострадание, надо просто не мешать ему, и всё сложится хорошо. Но зачаток и результат различаются. Спонтанно пожалеть знакомого ребёнка проще, чем принять неудобное обязательство перед незнакомым человеком. Разовый отклик ещё не сообщает, выдержит ли отношение усталость, дистанцию и личную выгоду.

Наш собственный условный пример — человек, которого тронул рассказ о чужой беде. Он может пережить сильное чувство и ничего не сделать. Может быстро помочь и затем

потерять интерес. Может выяснить, что требуется, и принять посильное обязательство. Эти различия показывают, почему нравственная способность не сводится к силе эмоции.

Мысль о зачатках сохраняет надежду, не давая гарантии. В человеке можно искать основания для дальнейшего развития, не заявляя, что любое его действие уже хорошо. Добрая природа в этом контексте не становится оправданием нанесённого вреда и не обязывает пострадавшего ждать перемены без условий.

Кроме того, сам аргумент о колодце является философским примером. Его нельзя объявить современным экспериментом, который доказал одинаковую реакцию всех людей. Можно обсуждать убедительность предложенной интуиции, проверять её пределы и учитывать разницу между аргументом и эмпирическим исследованием.

IV. Расширение заботы: почему близкий случай не должен остаться единственным

У Мэн-цзы есть важная работа расширения нравственного отклика. В примере 1A7 правитель способен пожалеть животное и при этом не замечает страдания подданных. Задача связать уже действующий отклик с другой существенной ситуацией не сводится к приказу чувствовать больше. Она требует увидеть сходство, прежде оставшееся вне внимания.

Для нашего анализа это открывает трудный вопрос: почему понятная близкая боль действует, а далёкая превращается в цифру? Ответ может включать расстояние, привычку, недостаток сведений и нежелание менять удобный порядок. Но нельзя заранее установить причину за конкретного человека. Нужно увидеть, как он описывает обе ситуации и где различие действительно существенно.

Условный руководитель умеет поддержать друга, который переутомился, но рассматривает перегрузку собственных сотрудников только как недостаток мотивации. Он способен понимать усталость — в определённом отношении. Современный вопрос состоит в том, можно ли распространить уже признанный критерий на другую роль, не стирая различий между ними.

Такое расширение не означает одинаковой помощи всем. Близость, обязанности и ресурсы остаются значимыми. Человек может заботиться о многих, но выполнять разные обязательства. Если понимать расширение как бесконечную обязанность немедленно спасти каждого, нравственное требование станет невыполнимым и быстро превратится в повод ничего не делать.

Есть и политический смысл. Мэн-цзы учитывает условия существования людей: нужда затрудняет устойчивое нравственное поведение. Обзор Мэн-цзы в IEP позволяет

рассматривать его учение рядом с заботой о правлении, а не только как внутреннюю гимнастику доброты.

Современная граница здесь особенно важна. Обстоятельства могут объяснять трудность, но не отменяют всякой ответственности. А требование личной ответственности не должно скрывать условия, которые делают достойное действие систематически недоступным. Обе стороны нужны, чтобы вопрос о человеке не стал удобным способом обвинять только слабого.

Политический смысл заботы у Мэн-цзы выходит за пределы доброго настроения правителя. В IEP-разборе правления рассмотрены приоритет народа и возможность утраты правителем нравственного основания своего статуса; приводятся места 7B14, 5B9 и 1B8. Это не современная демократия, но и не безусловное оправдание власти одним фактом её существования.

Для нашего сравнения важен переход от качества человека к качеству роли. Можно занимать место правителя и не выполнять того, что делает роль нравственно оправданной. Поэтому слово «правитель» содержит не только описание силы, но и требование к её употреблению. Власть оказывается предметом оценки, а не последней инстанцией всякой оценки.

То же различие меняет смысл вопроса о доброй природе. Если нравственное начало есть только частная способность пожалеть, его легко отделить от устройства общества. Если оно должно развиваться в правлении, возникает обязанность увидеть последствия решений для тех, кто находится далеко от непосредственного чувства. Моральный рост становится требованием к масштабу внимания.

Но связь хорошего правления с личной добродетелью допускает возражение. Благожелательный правитель может ошибаться, получать искажённые сведения или зависеть от людей, заинтересованных в их искажении. Поэтому сегодняшнее применение требует дополнять вопрос о намерении вопросом о проверке и возможности исправления. Мы добавляем этот вопрос от себя, не приписывая Мэн-цзы готовой теории современных институтов.

Такое различение сохраняет силу его требования: положение не освобождает от нравственной оценки. Одновременно оно не превращает древнего философа в автора всех желательных нам политических решений. Исторический довод может быть содержательным собеседником даже там, где его рамка отличается от нашей.

V. Сюнь-цзы: добро возникает через сознательную работу

Сюнь-цзы использует понятие син, природы, иначе: оно относится к тому, что дано от рождения и не требует обучения. Желания и первоначальные склонности сами по себе не создают упорядоченной совместной жизни. Следование им без меры ведёт к столкновениям; добро требует сознательной деятельности, обучения и формы. Это изложено в главе 23, доступной в выдержке Columbia.

Перевод «человеческая природа зла» легко переносит в этот спор чужую религиозную схему. Исследование Сюнь-цзы в SEP специально отличает его понятие от августиновского понимания зла. Речь не о наследуемом первородном грехе и не о врождённой любви к причинению боли.

Для точного сравнения следует сначала спросить, спорят ли авторы об одном определении природы. Если один включает направленность развития при подходящих условиях, а другой выделяет необученный исходный состав желаний, слова «добра» и «зла» относятся к различным описаниям. Это не устраняет разногласия, но меняет его устройство.

Сюнь-цзы можно читать как защитника возможности выучиться тому, чего нет в готовом виде. Такая возможность отличается от внушения «вы испорчены». Современный человек не умеет спокойно вести спор — отсюда не следует, что он навсегда недостоин отношений. Возможно, ему нужны знания, формы и практика, которые нельзя получить простым призывом быть собой.

Но обучение не означает гарантированной перемены от любого давления. Условный взрослый подавляет ребёнка, называя это исправлением природы. Его власть не стала мудростью от одного философского слова. Нужно отдельно оценить средство, последствия и отношения. Историческая ценность учения не даёт современному человеку разрешения на произвол.

Именно поэтому тезис Сюнь-цзы интереснее бытового пессимизма. Он предлагает исследовать, как человеческая деятельность создаёт возможность достойного порядка. Даже читатель, который не принимает оценку исходной природы, может серьёзно отнестись к вопросу о том, чего нельзя ожидать без обучения.

VI. Ритуал и музыка: форма может менять желание

У Сюнь-цзы ритуал и музыка участвуют в нравственном образовании. Они не только сдерживают уже готового человека извне, но формируют то, как он различает, переживает и действует. Обзор Сюнь-цзы в IEP описывает значение усвоения и выполнения формы: долгий путь должен сделать достойное действие собственным способом жизни.

В современном условном примере человек учится слушать, соблюдая простое правило: сначала пересказать услышанное, затем возразить. Вначале правило ощущается внешним. Постепенно он начинает замечать чужой смысл раньше, чем возникает готовый ответ. Изменилось не только поведение, которое можно показать наблюдателю; изменилась доступная ему структура разговора.

Это собственная аналогия, и её нельзя назвать доказательством учения Сюнь-цзы. Она лишь помогает понять, почему форма может быть больше ограничителя. Организованный способ действия способен учить нас видеть то, чего привычка прежде не различала.

У формы есть и противоположный риск. Человек умеет совершать все необходимые жесты, сохраняя пренебрежение. Он благодарит по правилам, но использует других; просит прощения, чтобы быстрее закрыть вопрос; соблюдает порядок встречи, не оставляя места возражению. Поэтому внешняя правильность сама по себе ещё не доказывает нравственный результат.

Сюнь-цзы предлагает сильную веру в определённую культурную систему, созданную мудрецами. Современный читатель может поставить к ней вопросы: почему именно эта система достойна передачи, что делать при столкновении норм, как проверять форму, которая поддерживает несправедливость? Эти вопросы заслуживают аргумента, а не исчезновения под общим призывом уважать традицию.

Полезное различие остаётся: форма может помогать чувству, воспитывать чувство или прятать его отсутствие. Чтобы определить функцию в конкретной ситуации, нужно посмотреть, что происходит с участниками и с возможностью исправления. Исторический термин не выполняет такую проверку за нас.

В главе «Побуждение к учению» Сюнь-цзы противопоставляет знание, которое остаётся между слухом и речью, учению, которое меняет весь способ действия. Он связывает повторение с пониманием, окружением и устойчивостью; рядом с чтением существенна близость к образованному человеку. В первичной подборке Columbia видно, что наставник помогает истолковывать формы, а учёба ради внешнего впечатления противопоставлена работе над собой.

Наше чтение этого места позволяет точнее понять сознательную деятельность. Она не сводится к волевому приказу подавить желание. Если результат должен стать устойчивым, человеку необходимы способы различать, понимать и упражняться. Знание проходит путь от услышанной формулы к тому, что человек способен сделать без постоянной подсказки.

Повторение и размышление здесь нельзя разнести на противоположные лагеря. Повторение без понимания может закрепить пустую привычку; понимание без освоения может остаться красивой речью. Их сочетание объясняет, почему развитая способность отличается и от первоначального склонения, и от минутного вдохновения.

Не менее важна роль наставника. Текст способен сохранить образец, но не всегда объясняет, как действовать в новом случае. Человек, показывающий способ применения, добавляет то, что трудно получить из короткого предписания. Однако для современного читателя эта мысль не превращает любого наставника в непогрешимую власть. Нужно отдельно устанавливать, чему он учит и способен ли объяснить исправление.

Сюнь-цзы связывает воспитание с определённым культурным идеалом, и именно здесь его позиция отличается от нейтральной тренировки навыка. Он не обсуждает одинаково успешное освоение любой формы жизни. Поэтому нельзя просто взять технику повторения и заявить, что тем самым принята вся его философия. Вопрос о том, какая культура достойна усвоения, остаётся центральным.

Читать этот текст внимательнее можно через различие результата: человек умеет предъявить признаки учёности или его действие стало более цельным? Такое различие защищает образование от превращения в соревнование внешних знаков. Но оно остаётся требованием, которое нужно проверять по жизни, а не по самоназванию «образованный».

VII. Где проходит реальное разногласие

Сравнение становится яснее, если рассматривать несколько вопросов по отдельности. Что дано человеку первоначально? Какие способности уже содержат нравственное направление? Откуда приходит критерий достойного поведения? Каковы условия роста? Какую работу выполняют привычка, учитель и общественная форма?

У Конфуция отношения, учение и практика образуют важное поле. Мэн-цзы подчёркивает развиваемые начала. Сюнь-цзы подчёркивает сознательно создаваемую нравственную культуру. Эти акценты позволяют заметить разные недостатки современного разговора: требование чувства без формы, требование формы без понимания, надежду на развитие без условий.

Однако формула «все трое на самом деле согласны» была бы слишком сильной. Между авторами есть содержательные расхождения. Если их убрать, мы получим собственную удобную систему, а исторические имена останутся только знаками почтения. Сопоставление ценнее, когда позволяет увидеть, какую проблему каждый считает основной.

Представим условную школу. Один учитель обращается к способности ребёнка сочувствовать. Другой создаёт правила, которые позволяют каждому быть услышанным. Третий показывает, как признавать свою ошибку. Все способы могут участвовать в одном процессе. Но если первый отрицает необходимость правил, второй не интересуется пониманием, а третий нарушает собственный пример, обнаруживаются разные причины трудности.

Однако совместимость этих способов в одной школе ещё не решает философского разногласия. В собственном условном случае ребёнок научился оставлять другим время для ответа. Мы наблюдаем новое действие, но из него самого не следует, было ли выращено исходное нравственное начало или усвоена культурная форма, которой прежде не было. Чтобы обсуждать основание перемены, нужны дополнительные доводы о том, что уже присутствовало и что внесло обучение. Успешный урок не может служить решающим доказательством любой понравившейся теории.

Поэтому различие определений природы важно, но оно не превращает спор Мэн-цзы и Сюнь-цзы в пустую игру словами. За определениями остаётся вопрос о происхождении нравственного направления: почему развитие должно считаться ростом добра, а не просто усилением любой склонности? Наш пример позволяет удержать этот вопрос отдельно от полезности конкретного правила. Практическое сотрудничество разных подходов возможно; объявлять на этом основании одинаковыми их объяснения человека было бы преждевременно.

Для современного решения не требуется заранее выбрать окончательную теорию человеческой природы. Иногда полезнее определить, какая способность в ситуации уже есть, чего пока не умеют, какие условия препятствуют и какая форма поможет проверить перемену. Это применение вопросов, а не заключение о победе одной древней школы.

При этом нельзя заменить философию одним практическим рецептом. Историческое разногласие сохраняет значение для этики и понимания человека. Наше ограниченное применение просто даёт ему место в жизни, не присваивая себе полномочия решить весь спор.

VIII. Добрая природа, привычка, долг и благодать отвечают на разные вопросы

Слова «добрый» и «злой» становятся понятнее, когда мы различаем источник нормы и путь изменения. Межтрадиционное сравнение поэтому полезно не как голосование о человеке, а как проверка того, что именно утверждает каждая теория. Сходное внимание к воспитанию может скрывать несовместимые основания.

Аристотель, «Никомахова этика» II,1, связывает нравственную добродетель с привычкой. Это даёт содержательную точку встречи с Сюнь-цзы: развитое качество нельзя получить одним одобрением исходного желания. Но привычка сама по себе ещё не сообщает, почему именно этот образ жизни достоин усвоения. У Сюнь-цзы ответ связан с культурной работой мудрецов и ритуалом; эти основания нельзя заменить греческим термином, оставив видимость согласия.

С Мэн-цзы полезно сопоставить другой вопрос: достаточно ли непосредственного сочувствия для нравственной ценности? В академическом разборе Канта выделяется значение мотива долга, отличного от одной симпатии. Это не превращает Канта в противника заботы. Сопоставление показывает различие того, что служит основанием моральной оценки. У Мэн-цзы отклик входит в развиваемое нравственное начало; у Канта обязательность не зависит от наличия именно такого чувства. Оба разговора позволяют критиковать доброту, которая исчезает сразу после потери удобного расположения, но объясняют эту критику по-разному.

Наконец, слово «злая» не делает Сюнь-цзы китайским Августином. В разборе поздней августиновской доктрины, §7.6 нравственная трудность связана с падением и освобождающей благодатью. У Сюнь-цзы спор о природе не предполагает наследуемой вины Адама. Если соединить эти схемы, исчезнут и смысл сознательной культурной работы, и собственная христианская проблема спасения. Одно тревожное прилагательное не доказывает общей антропологии.

Такой поворот меняет отношение к ребёнку из начала статьи. Можно заметить сострадание, изучить приобретённую привычку, спросить о должном и о возможности перемены. Но нельзя из одного жеста вывести всю теорию природы, а затем позволить теории диктовать значение каждого следующего жеста. Сравнение открывает дополнительные вопросы; оно не даёт взрослому последнего разрешения судить человека целиком. Именно поэтому разногласие трёх конфуцианских мыслителей следует сохранить, даже когда их разные акценты помогают нам лучше видеть одну ситуацию.

IX. Завершение: вопрос о природе не должен закрывать обучение

Три мыслителя оставляют разные пути к одному трудному полю: как человек становится способным действовать достойно среди других людей. Их спор показывает, что нравственную жизнь нельзя полностью объяснить ни первоначальным чувством, ни внешним правилом, ни хорошим мнением о себе.

Мэн-цзы не обещает, что зачаток вырастет сам. Сюнь-цзы не утверждает, что человек безнадёжно испорчен. Конфуцианская форма не становится содержательной лишь благодаря правильному исполнению. У каждого вывода есть работа, которую современное упрощение легко пропускает.

Можно сохранить надежду, не отказываясь от проверки. Можно требовать действия, не объявляя человека неизменным воплощением недостатка. Можно учиться форме, не превращая её в оправдание унижения. Такие различения не решают древний спор, но не позволяют использовать его для поспешного приговора.

Ребёнок из начала статьи всё ещё способен пожалеть и всё ещё способен удерживать игрушку. Оба наблюдения важны. Взрослому предстоит больше, чем выбрать один факт для подтверждения собственного мировоззрения: заметить способность, помочь ей получить форму, проверить условия и показать своим действием, чему именно он учит. В этом движении вопрос о человеке снова становится открытым для работы.

Что это значит на практике

Выберите небольшой повторяющийся эпизод: разговор, в котором трудно слушать, обещание, которое часто откладывается, правило, которое существует только на бумаге. Не начинайте с общего вопроса «я хороший человек?». Он слишком быстро превращает исследование в защиту или обвинение личности.

Сначала спросите, какое нравственное различие вы уже замечаете. Возможно, вам понятно, почему человеку неприятно ждать без ответа. Это существующее основание для заботы. Затем спросите, чего пока не хватает для действия: навыка отвечать кратко, ясного срока, возможности отказаться, распределения обязанностей. Способность чувствовать и способность выполнить различаются.

После этого выберите простую форму, которая выражает нужное отношение. В условном примере человек договаривается отвечать на просьбу в течение суток, даже если ответ пока состоит в уточнении срока. Такая форма не должна маскировать обещание, которое он заведомо не способен выполнить. У неё есть цель, условия и возможность пересмотра.

Оцените результат с двух сторон. Изменилось ли действие? Стало ли отношение более понятным другому человеку? Если процедура выполнена, но раздражение и обман усилились, её нельзя автоматически признать полезной. Если чувство стало сильнее, но обязательства по-прежнему нарушаются, развитие ещё не перешло в устойчивую форму.

Упражнение не позволяет судить о природе другого по одному эпизоду. Человек может нарушить договорённость из-за неясности, нехватки ресурса или нежелания её соблюдать. Эти объяснения ведут к разным решениям. Не нужно заполнять неизвестное древним именем и называть это пониманием.

И право остановиться сохраняется. Надежда на развитие другого не обязывает бесконечно ждать. Можно признать возможность перемены и одновременно обозначить границу нынешнего участия. Такое решение отличает уважение к человеческой способности от обещания, будто она непременно осуществится именно здесь и в нужный нам срок.

Ключевая цитата

> *«Кто твёрдо держится внутренней силы, способен упорядочить себя; умея упорядочить себя, он способен отвечать другим».*

Сюнь-цзы, «Побуждение к учению», глава 1; наш перевод подборки Columbia, абзац о внутренней силе. Здесь нравственный результат обращён к отношениям. Это не доказательство, что любое строгое воспитание создаёт такую способность.

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Таблица показывает общий вопрос и предел сходства; историческое влияние не устанавливается одним совпадением формулировок.

Позиции	Сходство	Граница
Сюнь-цзы, природа ↔ Аристотель, II,1	Нравственное качество требует освоения.	Культурная работа мудрецов не тождественна греческой теории добродетели.
Мэн-цзы, 2A6 ↔ Кант	Мораль нельзя оценить только по удобному исходу.	Начало сочувствия и мотив долга обосновывают её по-разному.
Сюнь-цзы в SEP ↔ Августин, §7.6	Исходное состояние человека требует нравственного изменения.	Xing/e не являются доктриной наследуемого греха и благодати.

Позиции	Сходство	Граница
Конфуций,2.7/3.4 ↔ Сюнь-цзы, учение	Форма должна получить содержание в отношении и действии.	Ритуальная уместность и теория сознательной культурной деятельности имеют разные акценты.
Мэн-цзы: рост начал ↔ Сюнь-цзы: обучение ↔ Конфуций: передача	Перемена возможна и требует условий.	Доброе начало, необученная природа и наследуемая практика не являются одним определением природы.

Первоисточники

• Сюнь-цзы. Encouraging Learning, Asia for Educators, Columbia University. Глава 1, подборка из Sources of Chinese Tradition, 1999, с. 161–164.

• Confucius. Stanford Encyclopedia of Philosophy. §§1–2: разнообразие источников и сложность исторической реконструкции.

• Selections from the Confucian Analects. Columbia University. §§1.1, 2.3, 2.7, 3.4; учение, пример, уважение и ритуал.

• Selections from the Mencius: On Human Nature. Columbia University. 2A6: ребёнок у колодца и начала нравственности.

• Mencius. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Зачатки, расширение, пример 1A7, материальные и образовательные условия.

• Mencius (Mengzi). Internet Encyclopedia of Philosophy. Этический и политический контекст.

• Selection from the Xunzi: Human Nature Is Evil. Columbia University. Глава 23: природа и сознательная деятельность.

• Xunzi. Stanford Encyclopedia of Philosophy. §§2–3: значение син/э, ритуал и музыка.

• Xunzi (Hsün Tzu). Internet Encyclopedia of Philosophy. §§3–5: образование, усвоение формы и культурная деятельность.

• Аристотель. Никомахова этика, II, 1 и 6, перевод W. D. Ross. Первичный текст: привычка и середина относительно человека..

• Kant’s Moral Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Академический разбор долга и сочувствия в Основоположении..

• Augustine of Hippo. Stanford Encyclopedia of Philosophy, §7.6. Академический разбор греха и благодати..

Теги

Конфуций, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Лунь юй, конфуцианство, китайская философия, жэнь, ли, син, э, человеческая природа, четыре начала, сострадание, справедливость, мудрость, нравственное воспитание, обучение, ритуал, музыка, привычка, форма, чувство, нравственный пример, правление, ответственность, Аристотель, Кант, Августин, долг, благодать, первородный грех, философская антропология

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.